

Г.Э. фон Шпилькер — переводчик «Сатир» Антиоха Кантемира (переводческий опыт в лингвокультурном контексте эпохи)

Первый полный перевод «Сатир» А.Д. Кантемира на немецком языке вышел в 1752 г. Он был иницирован Готтшедом и осуществлен Г.Э. фон Шпилькером. В статье прослеживается история создания и специфика немецкоязычного издания Сатиры 1. Исследование включает в себя несколько аспектов: биографию Г.Э. фон Шпилькера как литератора-переводчика в контексте эпохи; опыт Г.Э. фон Шпилькера в контексте переводов кантемировских сатир на европейские языки; творческие проблемы перевода Г.Э. фон Шпилькера, в том числе общефилософские предпосылки, проблемы содержания и сохранения художественно-национального образа, проблему формы. В результате исследования сделан вывод о том, что перевод, ориентированный на конкретную культурно-языковую аудиторию, в целом адекватен оригинальному тексту. Установлено, что сведения о России восходят к устным источникам, а в ряде случаев содержат клише о России, типичные для Европейской России эпохи Просвещения. Перспективой исследования должны стать 17 неизданных писем Шпилькера к Готтшеду из архива библиотеки Лейпцигского университета, посвященных процессу перевода «Сатир» Кантемира. Публикация и филологический комментарий к переписке могут стать следующим важным шагом в исследовании процессов культурного обмена между Германией и Россией, начавшихся в XVIII в.

Ключевые слова: лингвокультура, транслатологическая практика, Сатира 1, перевод syllabics, художественно-национальные образы, персоналии — А. Кантемир, Г.Э. фон Шпилькер.

The first complete translation of the “Satires” of A.D. Cantemir into the German language was published in 1752. It was initiated by Gottsched and performed by G.E. von Spilcker. The article traces the history and specifics of the German-language edition of Satire 1. The study includes several aspects: a biography of G.E. von Spilcker as a writer-translator in the context of the epoch; the experience of the G.E. von Spilcker in the context of Satires’ translations into European languages; creative problems of translation G.E. von Spilcker, including the philosophical background, the content and preservation of the artistic and national image; the problem of form. The study concluded that the translation is generally adequate to the original text, being focused on a specific cultural and linguistic audience. It is established that information about Russia, goes back to oral sources, and in some cases contains clichés about Russia, typical for European Russians of the Enlightenment. Research prospect must be 17 unpublished Spilcker’s letters to Gottsched from the library of the University of Leipzig, dedicated to process the translation of the Cantemir’s “Satires”. The publication and the philological commentary on this correspondence may be the next important step in the study of the processes in the cultural exchange of Germany and Russia, which began in the XVIII century.

Keywords: linguoculture, translational practice, Satire 1, translation of syllabics, artistic and national images, personalities A. Cantemir, G.E. von Spilcker.

DOI 10.20339/PhS.5-19.112

Введение

В середине второго десятилетия XXI в. Россия вновь задается вопросом: вместе ли она с Европой и западной цивилизацией или у нее особый путь, который «умом не понять»? Для ответа на этот вопрос, наверное, не следует забывать опыт истории, в том числе истории знакомства Запада с русской культурой через русскую литературу.

Актуальным в связи с этим становится исследование рецепции сатир Антиоха Кантемира немецкой лингвокультурой XVIII в. Ведь одна из фундаментальных идей той эпохи — это идея

translatio studii, а тема «странствующих муз» — одно из поэтических воплощений этой идеи. Она постоянна у Кантемира-поэта. Его реальная судьба европейского культурного странника — воплощение уже не просто поэтическое, а сугубо деятельное. Общеизвестно, что Кантемир стал едва ли не первым «культурным атташе» России в Западной Европе. На волне взаимного интереса друг к другу в общем интеллектуальном пространстве Европы XVIII в. появляются многочисленные переводы сатир Кантемира, в том числе немецкий перевод, сделанный по инициативе Готтшеда Г.Э. фон Шпилькером, опубликованный отдельным изданием в 1752 г. [1].

Отечественное и западное литературоведение при всем богатстве работ, посвященных переводам сатир Кантемира на европейские языки, не очень интересовалось именно этим немецким переводом, и в частности персоналией автора. В отечественном литературоведении его первооткрывателем стал Г.А. Гуковский в далеком 1939 г. [2]. Но продолжения исследований не последовало. Без отклика остался и призыв немецкого филолога Х. Грасхофа (ГДР) к германистам исследовать творчество Шпилькера-переводчика [3].

Настоящая статья — это опыт заполнения лингвокультурной лакуны с позиций взаимосвязанной оценки личности переводчика и его транслатологической практики в лингвокультурном контексте эпохи для выявления особенностей восприятия чужой лингвокультуры, типичных лингвокультурных ошибок, а также проблем передачи Шпилькером разных языковых явлений в переводах на родной (немецкий) язык. (Основная работа с материалами прошла в период стажировки автора статьи в Мюнхене (Bayerische StaatsBibliothek) весной–летом 2018 г.)

Биография Г.Э. фон Шпилькера как литератора-переводчика в контексте эпохи

Первые попытки систематизировать биографические сведения о Шпилькере приходятся на середину прошлого века. Они связаны с именами Х. Грасхофа и Х. Шмидта [3; 4]. Во время пребывания в Мюнхене удалось дополнить эти сведения новыми данными, почерпнутыми из библиографических описаний [5; 6]. На сегодняшний день реконструкция биографии Шпилькера позволяет воедино связать его биографию, переводческий опыт и его формирование как вторичной языковой личности.

Согласно архивным данным, Шпилькер в марте 1733 г. был зачислен на юридический факультет Галльского университета. Именно здесь в конце XVII–начале XVIII в. были положены основы немецкого славяноведения и многосторонних германо-русских связей. Преподаванием русского языка в 1697–1698 гг. занимался Г.В. Лудольф, автор «Grammatica Russica». Он содействовал созданию в Галле русской типографии и развитию взаимоотношений с Петровской Россией. В 1700–1704 гг. в Галле русский язык преподавал П. Мюллер; в 1717–1719 гг. — Х. Родде; в 1729–1735 гг. — С. Тодорский. В университете было много студентов из Российской империи. На занятиях С. Тодорского Шпилькер и изучал русский язык. Позже Шпилькер вспоминал о своих «верных друзьях, понимающих русский язык», с которыми он советовался, работая над переводом «Сатир» Кантемира. Возможно, знакомство с ними восходило ко времени учебы в Галле. Сам Шпилькер к тому времени в полной мере сумел оценить значение русской лингвокультуры, о чем свидетельствуют его рассуждения в работе 1751 г. «Die Vortheile großer Geister aus der gründlichen Erkenntnis verschiedener Sprachen».

Известно, что решение переводить Кантемира на немецкий язык, используя французский перевод в качестве посредника, с опорой на знание русского языка появилось в 1751 г. под влиянием Готтшеда. Но вся ситуация в целом, безусловно, была связана с ростом авторитета Российского государства и русской культуры на Европейском континенте в XVIII в.

Опыт Г.Э. фон Шпилькера в контексте переводов кантемировских сатир

Французский перевод стал для Шпилькера переводом-посредником. Об этом он писал, когда пояснял свои принципы «вольного перевода» (*freie Übersetzung*) в противовес «переводу буквальному» (*wörtliche Übersetzung*): «Ich nenne aber solche eine freie Übersetzung, weil man eine französische Prose nicht so leicht ungezwungen in deutsche Reime bringen wird. Jede Übersetzung pflegt in etwas von ihrem Urbilde abzuweichen, und ich habe mit vieler Müde Freunde gefunden, die in der russischen Sprache vollkommen unterrichtet, und in den Gewohnheiten der moscowitischen Gebräuche sehr erfahren sind. Diese haben mir bey vielen Stellen den wahren Sinn des Verfertigers auf eine glaubliche Art an die Hand zu geben gewußt...»¹ [1. С. 2].

Кроме предисловия к переводу Шпилькер написал небольшое по объему эссе — «Abhandlung, vom Anfang, Fortgang und Gebrauch der Satyren» — о жанре сатиры и ее истории, где он говорил: «Deutschland ist gar zu sklawisch um seine holzerne Einbildung bis auf Verbesserung des Sitten schwingen». Конечно, это не совсем верно. Немецкая литература знала своих сатириков. Но из этого замечания явствует, что перевод Кантемира делался не только ради любопытства. У Кантемира учились и искали поддержки в борьбе с общественными пороками для исправления нравов. Именно это побудило Шпилькера в предисловии к переводу эксплицитно указать на то, что им двигало желание «оказать услугу отечеству», «принести пользу согражданам» [1. С. 3].

Из этого эссе и из стихотворного рассуждения о сатире в духе Буало («Die Satyre»), включенного в то же издание, можно предположить, что тексты сатир Буало послужили источником поиска и подбора эквивалентов при переводе [1. С. I–XI, 348 сл.]. Аналогичную функцию могло выполнить обращение Шпилькера к тексту «Похвала глупости» Эразма Роттердамского.

Опираясь на исследование Ю.К. Щеглова [7], укажем на следующие важные с точки зрения понимания творческого процесса «свободного перевода» Шпилькера параллели: стр. 71–76: Буало, *Ep. V*, 28–29; стр. 77–78: Буало, *Sat. VIII*, 184–188; стр. 87–94: Буало, *Sat. VIII*, 215, *Sat. IV*, 11–18: *Laus stultitiae*, 14, 52; стр. 134–140: Буало, *Sat. V*, 109–110, *Sat. I*, 113–134: *Laus stultitiae*, 57.

Контекстом переводческой практики Шпилькера были те сходные проблемы, которые, как считал Гуковский, немецкие литераторы усматривали в русской культуре. Борьба Сумарокова и его школы с Ломоносовым и Тредиаковским в глазах Готтшеда, конечно, была той же борьбой, которую он сам и его журналы вели, с одной стороны, против духа Возрождения, с другой — против новшеств «швейцарцев» и Клопштока [2. С. 380–386].

Творческие проблемы перевода Г.Э. фон Шпилькера. Общеполитические предпосылки

Литератор-переводчик начала XVIII в. в Германии оказывался в центре спора о переводимости, во главе которого стояли Готтшед и Брейтингер. Вдохновленный Готтшедом, Шпилькер принимает рационалистический подход к языку и переводу. Известно, что Готтшед называл хорошим переводом тот, который отвечал нормативной поэтике Просвещения. Задача перевода — улучшение оригинала и его онемечивание. Шпилькеру, конечно, оказалась близка идея Готтшеда об «идеальном тексте», существующем над языком вне конкретного его воплощения. Согласно этой

¹ Я именую подобный перевод вольным по той причине, что совсем нелегко переложить французскую прозу немецким поэтическим слогом. Любой перевод может в чем-то отличаться от оригинала. Поэтому я счел необходимым обратиться к своим товарищам, которые лучше меня знали русский язык и имели лучшее, нежели я, представление об образе жизни и обычаях москвитов. Они мне помогли понять истинный смысл многих поэтических мест автора... (*Перевод мой.* – В. Б.).

идее эквивалентный перевод синонимичен оригиналу и даже допускает некую правку, очищение первоначального текста. Заметим, однако, что подобная установка на равноправие перевода и оригинала сразу невероятно повышала творческую планку переводчика, требуя от него очень высокого уровня мастерства. Переводя поэтический текст Кантемира стихами, а не прозой, Шпилькер чувствует себя сотворцом автора.

Из сказанного следует правильно воспринимать основную особенность перевода Шпилькера: множественность «доместикаций» русского текста наряду с тенденцией сохранения (не всегда, может быть, последовательного) черт русского быта².

1. Ум незрелый, плод недолгой науки
<...>

Beruhge dich, mein Geist, warum willst
du mich zwingen <...>

Проблемы содержания, или Сохранение художественно-национального образа

Философские предпосылки лингвокультурной деятельности литератора-переводчика XVIII в. устанавливают связь между оригиналом и переводом. Сфера деятельности переводчика, следовательно, становится весьма субъективной в плане интерпретации языковых средств и национальных образов оригинала. Взаимодействуют эрудиция, интуиция, языковой вкус эпохи и персональное чувство языка. Как полагает О. Довгий, услышать одного поэта в творчестве другого можно обратившись к практике микрофилологического анализа. На языковом уровне легко видеть все общие у литераторов микроединицы перевода. А затем, поднявшись на уровень смысла, можно видеть, как все они по-разному «работают» на ту или иную лингвокультуру [8. С. 7–8].

Начнем с наиболее ярких, лежащих на поверхности преобразований. Они не просто рефлектируются Шпилькером. Он сознательно меняет понятийные образы Павла и Фридриха. Идеологически это вполне оправданно, так как основано на представлении переводчика о соответствии языковых знаков (в данном случае имени собственного — антропонима) исходного языка понятиям собственной лингвокультуры.

15. Правда, в нашем молодом
монархе надежда <...>

Doch wo ein Friedrich herrscht; der
witzge Koefpe lohnt <...>

Сам Кантемир так комментирует эти строфы: «15. В нашем молодом монархе. О Петре Втором говорит, который вступал тогда в пятое на десять лето своего возраста, рожден был 12 октября 1715 года». У Кантемира Петр II фактически выведен за рамки повествования и предстает как некий символ просвещенного человека на троне и образ Ума, являющийся для автора верховным судьей и руководителем. С ним автор вступает в мысленный диалог, показывая интеллектуальную и нравственную деградацию современного общества.

Параллелен этому комментарию фрагмент из предисловия Шпилькера: «Da mein Hauptendzweck war, die Kantemirische Art zu denken meinen Landsleuten in ihrer Muttersprache zu opfern, so wird es mir wohl nicht verdacht warden, wenn ich dieses Werk, statt solches Ihre Russisch. Kayserl. Majestät, gewidmet ist, in dieser Uebersetzung einem andern europaeischen Monarchen zu Fuessen lege»³ [1. С. 3]. Речь

² В связи с публикационными ограничениями примеры из текстов цитируются с купюрами: приводится первая строка соответствующей строфы. Сатира 1 цитируется по изданию: *Кантемир А.Д. Собрание стихотворений*. Л., 1956. *Kantemir A.D. Sbranie stikhotvorenii*. Leningrad, 1956.

³ Моей целью было донести своим читателям на их родном языке образ мыслей русского поэта. Я посчитал неверным посвящать свой перевод императору российскому. Поэтому я преподношу свой поэтический труд нашему европейскому монарху... (*Перевод мой*. – В. Б.).

идет о Фридрихе II, или Фридрихе Великом, ярком представителе просвещенного абсолютизма, основоположника прусско-германской государственности.

Проблемы содержания, как видим, связаны и с диапазоном адаптации, и с диапазоном эквиваленции. Обратимся еще к одному фрагменту текста:

44. Силван другую вино наукам
находит <...>

Sylvan der schoerret gar, dass noch
die Hungersnot <...>

В данном случае следует обратить внимание на диапазон ассоциативного комплекса, связанного с именем Сильвана, — антропонимом, безусловно восходящим к античной лингвокультуре, восприятие которой не было автономным. Оно входило в контекст культурных взаимодействий. Античность не являлась чем-то инородным ни в системе русской, ни в системе немецкой лингвокультуры. Место античной антропонимии определялось глубинными процессами, характерными для развития обеих культур. Деятели русской и немецкой культуры того времени объединяла форма выражения и функционирование культурной деятельности — язык культуры, культурная семантика. При этом в русской лингвокультуре поле антропонимических ассоциаций оказывается богаче. В ней фиксируются как просторечные формы (Селивон), так и разговорные (Селифан), а также многие производные (Селиванка, Селифанка, Селифоша). В большинстве своем ассоциативное поле этого антропонима в русской лингвокультуре связано с именами апостолов (апостол Силуан), праведников (праведный Силуан), священномучеников (Силуан, схимник Печерский; Сильван Казанский). Происхождение от лат. *Silvanus* — бога полей, лесов и стад — нерелевантно для Кантемира. В своем комментарии он указывает: «Ст. 41. Под именем Силвана означен старинный скупой дворянин, который об одном своем поместье радеет, охуждая то, что к распространению его доходов не служит».

Шпилькер антропонимы для читателя не комментирует. Но можно реконструировать объем значения этого имени, например, по имеющемуся комментарию, который для своей оды «*Uranians Lob Berlins*» дал в 1749 г. поэт К. Рамлер: «*Sylvan, ein Waldgott, soll die Verpflanzung der Bäume erfunden haben*».

Ассоциативный диапазон немецкой лингвокультуры оказывается уже. То же касается образа епископа из строфы 135:

Епископом хочешь быть — уберися в рясу
<...>

Willst du ein Bischoff sein, so must du
Seide tragen <...>

Разумеется, только подобными языковыми знаками проблема перевода для Шпилькера не ограничивалась. В предыдущем примере помимо самого языкового знака епископ/*Bischoff* затрагивается смысл целых суждений. Это наиболее очевидно при обращении в переводе к рассуждениям Кантемира о тех или иных явлениях общественной жизни. Они касаются таких важных проблем, как смысл бытия, роль личности в истории, значение просвещения, образования и науки в развитии общественного сознания.

40. Живали мы преж сего, не зная
латыне <...>

Eh' man Latein verstand, sah man im
Ueberflusse <...>

Очевидно, что подобные рассуждения оказываются трудноразрешимой творческой задачей для Шпилькера. Ведь Кантемир видит в европеизации России залог процветания государства, культурно-исторического прогресса нации. Это остается за гранью понимания европейского человека, не рефлектирующего «европеизацию» как «философическое» направление мысли. Для большей точности отметим, что искажение смысла возникает в этом случае в результате комплексного непонимания исторической ретроспекции русской лингвокультуры относительно латинского языка.

Когда мы сопоставляем оригинал и перевод, то должны помнить о том, что образование в российском общественном сознании той эпохи воспринималось не вполне однозначно. Изучение

наук казалось изменой старине, привычным устоям быта. Шло перенимание ярких внешних черт западной научной традиции, подлинная основа которой не осознавалась, не эксплицировалась и не транслировалась. А.Ю. Андреев приводит свидетельство о твердой позиции Боярской думы еще при Борисе Годунове против преподавания на латинском языке: «На Руси издревле было единое верие, а с разноречием наступит и разное верие» [9. С. 47].

Перейдем на уровень представленности Шпилькером в тексте перевода ситуаций, описанных в тексте оригинала. Совпадения или несовпадения в значениях отдельных лексических единиц оказываются при этом не так уж и важны.

185. Обидно себе быть, мнит, в
незнати старети <...>

Ein Edelman, so bald er viele Doerfer hat
<...>

Гораздо важнее то, что в тексте описывается референтная ситуация, которая представляет собой систему взаимодействующих персонажей в определенных лингвокультурных условиях. В данном случае критике подвергаются «нравственные пороки общества, персонифицированные в образах ханжи Критона, скупца Силвана, гуляки Луки, щеголя Медора»⁴. Далее объектом обличения становятся «носители социальных пороков, представители духовной и светской власти — епископ и судья, которым вверен контроль за соблюдением законности и состоянием нравственного здоровья общества» [Там же]. Наконец, следуют пять небольших отрывков, где даны «сатирические портреты петиметра, дьячка, малограмотного воина, мелкого подьячего, обойденного чинами и званиями родовитого боярина. Между всеми частями макро- и микроструктуры сатиры существует идейно-тематическая, образная и стилиевая связь» [Там же].

Все это предстояло дешифровать Шпилькеру. В этой герменевтической операции словарь заведомо помочь не может. Дело в том, что русский текст содержит систему смыслов, заключенных во всех взаимосвязанных единицах языка. Совпадения словарных значений и текстовых смыслов слов возможны, даже довольно часты, но не абсолютны. Более того, словарный эквивалент на языке перевода оказывается наделенным для переводчика определенным смыслом лишь тогда, когда у переводчика достаточно знаний о предмете, описываемом в тексте оригинала, как в приведенном отрывке.

35. Потеряли добрый нрав, забы-
ли пить квасу <...>

Der magre *Trank vom Mehl*, wassonst
das Herze ruehrt <...>

Таким образом, верная и полная расшифровка референтной ситуации, описанной в тексте оригинала, предполагает наличие у переводчика необходимого лингвокультурного опыта именно в той сфере жизни, срез которой предлагает автор оригинала в описываемой ситуации.

45. Гораздо в невежестве больше
хлеба жали <...>

Zur Zeit des Unverstands war unsre
Erndte gross <...>

Этот опыт Шпилькер обретает, как свидетельствуют процитированные комментарии, из опыта носителей русской лингвокультуры, к которым он обращался за помощью.

Следует, конечно, помнить, что текст не только сигнализирует о какой-либо референтной ситуации, он еще и описывает специфическое видение этой ситуации автором.

75. В часовнике можно честь на
всякий день года <...>

Hat der Kalender nicht, wenn sich die
Sonne neigt <...>

Шпилькер, воспринимающий текст оригинала в том числе через французский текст-посредник, оказывается в сложной ситуации: расшифровав значения отдельных языковых форм, составляющих текст, он употребляет весь свой лингвокультурный опыт для понимания смысла описанной ситуации. Иначе говоря, он сопоставляет свое представление о ситуациях данного типа с тем,

⁴ <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200201105>

который выводит из содержания текста оригинала. Этот процесс хорошо виден на материале следующего фрагмента.

110. Не сменил на Сенеку он фунт
доброй пудры <...>

Sein Schneider wird viel eh'r mit
seinem wilden Jungen <...>

Вполне естественно, что на этом герменевтическом этапе возможны разные ошибки.

105. Когда в *пост чернец одну*
есть станет вязигу <...>

Eh' sehn wir, dass der Wolf bey fetten
Laemmern lauscht <...>

Самые распространенные — это пропуски, опущения, обусловленные межъязыковой асимметрией в выборе более или менее протяженных средств выражения для обозначения одного и того же понятия.

50. Знатным полно подтверждать
иль отрицать смело <...>

Dr Adel sage nein, der Adel sage ja
<...>

Шпилькеру не остается ничего другого, как подменить описанную ситуацию, возникшую в сознании автора оригинала и выведенную им в тексте, своей собственной, возникшей на основе недостаточного лингвокультурного опыта, а отнюдь не на основе техники «доместикации».

60. Коптит, печась при огне, чтоб
вызвать руд свойства <...>

Doch, Freunde, sol lich wohl mit Lust
die Faust verbrennen <...>

Отдельного упоминания при обсуждении транслатологической практики Шпилькера заслуживает попытка эквивалентного воспроизведения картины мира, деталей описания предметной ситуации — места и времени действия, характеристики персонажей.

150. Спи на стуле, когда дьяк
выписку читает <...>

Wenn man die Acten liest, so schlaf
geruhig ein <...>

Следует помнить: сам Кантемир утверждал, что он создавал сатиру на порок, а не на конкретных носителей зла. Шпилькер не мог этого не понимать, так как детально сам обсуждал в эссе-вступлении принципы сатирического творчества.

80. Что учит множить доход и
расходы малит <...>

Der, wer die Kunst versteht,
vermehret seine Schatze <...>

Шпилькеру удалось воспроизвести объектность предметной ситуации исходного кантемировского замысла. Немецкий текст дает в достаточной степени адекватное представление немецкому читателю о явлениях русской жизни послепетровской эпохи, обращая внимание на приметы интеллектуальной и нравственной деградации общества. Лирическое в переводном тексте проявляется в открытой оценочности изображаемого, что доминирует в лирических пассажах основной части.

85. Люди мы к сообществу божия
тварь стали <...>

Und alle Wissenschaft gebiehr nur
Thoren Wunder <...>

Перевыражение системы смыслов затрагивает социально значимые для обеих лингвокультур концепты, как в приведенном ниже примере концепт гражданства. Гражданский пафос звучания и в оригинале, и в переводе уступает место элегическим рассуждениям о трудностях распространения просвещения в обществе (российском и немецком) и трагедии умного человека в нем.

80. *Гражданству* вредным весьма
безумством звать смеет <...>

Giebt seiner Haushaltung ein
ingeschraenkt Gesetze <...>

Проблема формы

Разумеется, помимо содержания для переводческой практики Шпилькера не менее важным оказывался компонент формы — проблема стихотворного перевода — в свете того, что Шпилькер отталкивался, как было сказано в начале статьи, от прозаического французского текста-посредника. Помимо этого сложность заключалась в деформации русской силлабики в немецкую силлаботонику.

Текст Кантемира — это классический 13-сложный силлабический стих, в котором представлены и константные, и инверсированные строки, и цезура мужская, и цезура дактилическая.

Весь опыт Кантемира, по мнению М.Л. Гаспарова, был опытом силлабической поэзии, а его литературной школой была не немецкая и даже не французская, а итальянская школа. Кантемир признавал, что стих должен отличаться от прозы, но считал, что для этого достаточно лексических и стилистических средств, а в метрических нет необходимости. Поэтому из двух новшеств Тредиаковского Кантемир принимает (и то отчасти) лишь одно: он упорядочивает ударность в окончаниях стихов и полустуший, но оставляет свободным расположение ударений внутри стиха. В 13-сложном стихе, по Кантемиру, окончание строки должно быть обязательно женским, окончание предцезурного полустушия — мужским или дактилическим [10].

Интересно, однако, что опыт кантемировского 13-сложника с его сосуществованием мужских и дактилических цезур был отчасти опытом немецкого стиха, когда дактилические рифмы традиционно подравнивались к мужским. Таким образом, Шпилькер столкнулся в первой сатире с переработанным Кантемиром по своей новой программе силлабическим 13-сложником, структурная форма которого не была чужда немецкой поэтике.

Правда, к середине XVIII в. Шпилькер-переводчик оказывается в совершенно иной традиции стихосложения, в которой работает не экспериментируя. Тенденция строить немецкий alexandrinский стих по свободному ритму французского alexandrinского стиха, который представлял в немецкой поэтике Векерлин, неслучайно именовавшийся «немецким Кантемиром», была преодолена тенденцией строить его по ямбической силлаботонике голландского alexandrinского стиха, предложенной Опицем, «немецким Ломоносовым». Случилось так, что опицевская строгость пришлась больше по вкусу времени — его направление победило.

По словам М.Л. Гаспарова, немецкая традиция ощущала четырехстопный ямб как размер более «национальный», уходящий корнями в средневековые поэмы, книттельферс и народный дольник, а шестистопный ямб — как размер более «заемный», восходящий к культуре французского Возрождения и классицизма. Переводы силлабической поэзии, в том числе славянской, как правило, предлагалось делать именно такими условными силлаботоническими эквивалентами силлабических размеров в основном шестистопным ямбом [10].

Понимая это в отношении предударных звуков в рифме («опорных согласных») русская практика позаимствовала из французской поэзии рифмы с опорными согласными (так называемые богатые рифмы), которые в немецкой поэтике осуждались и отвергались. Иногда делался выбор, касающийся мужской открытой рифмы; в этом случае русская рифмовка свободно обходилась без опорных звуков, немецкая традиция это также принимала.

Заключение

Как уже говорилось, перевод сатир А. Кантемира на немецкий язык в полном объеме состоялся благодаря Готтшеду, с которым Шпилькер состоял в деятельной переписке. По данным Я. Бима, в библиотеке Лейпцигского университета находятся 17 неизданных писем Шпилькера к Готтшеду, датированных от 21 марта 1751 г. и до 23 января 1752 г. [11]. По словам Я. Бима, их содержание в значительной степени посвящено процессу перевода «Сатир» Кантемира, инициированному Готтшедом. Публикация и филологический комментарий к этой переписке могут стать следующим важным шагом в исследовании процессов культурного обмена между Германией и Россией, начавшихся в XVIII в.

Литература / References

1. Spilcker Н.Е. Freye Uebersetzung der Satyren des Prinzen Kantemir. Berlin, 1752.
2. Гукровский Г.А. Русская литература в немецком журнале XVIII века // XVIII век. 1958. Т. 3. С. 380–415.
Gukovskii G.A. Russkaia literatura v nemetskom zhurnale XVIII veka // XVIII vek. 1958. T. 3. S. 380–415.
3. Grasshoff H. Antioch Dmitrievic Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966.
4. Шмидт Х.-В. Русская тема в научной публицистике г. Галле и Галльского университета в середине XVIII века // Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969): сб. науч. ст. СПб., 1999. С. 108–118.
Shmidt Kh.-V. Russkaia tema v nauchnoi publitsistike g. Galle i Gall'skogo universiteta v seredine XVIII veka // Pamiati Pavla Naumovicha Berkova (1896–1969): sb. nauch. st. St. Petersburg, 1999. S. 108–118.
5. Heinrich Eberhard Freiherr von Spilcker, Königl. preuß. Oberstleutnant und Flügeladjutant. URL: <https://gw.geneanet.org/heermann?lang=en&pz=johann&nz=heermann&ocz=0&p=heinrich+eberhard+freiherr+von&n=spilcker> (дата обращения: 10.02.2019).
6. Neue Genealogisch-Historische Nachrichten. Bd 85. Leipzig, 1857.
7. Щеглов Ю.К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004.
Shcheglov Yu.K. Antiokh Kantemir i stikhotvornaia satira. St. Petersburg, 2004.
8. Довгий О.Л. Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа. Тула, 2018.
Dovgii O.L. Satiry Kantemira kak kod russkoi poezii. Opyt mikrofilologicheskogo analiza. Tula, 2018.
9. Андреев Ю.А. Российские университеты XVIII – первой половины XIX веков в контексте университетской истории Европы. М., 2009. 648 с.
Andreev Yu.A. Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX vekov v kontekste universitetskoi istorii Evropy. Moscow, 2009. 648 s.
10. Гаспаров М.Л. Русский силлабический тринадцатисложник // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М.: НЛО, 1995. С. 9–31.
Gasparov M.L. Russkii sillabicheskii trinadtsatislozhnik // Gasparov M.L. Izbrannye stat'i. Moscow: NLO, 1995. S. 9–31.
11. Beam Jacob N. Die ersten deutschen Übersetzungen englischer Lustspiele d. XVIII Jahrh // Theatergeschichtliche Forschungen. 1906. B. XX. S. 59–61.

Базылев Владимир Николаевич,
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный лингвистический университет

Bazylev Vladimir N.,
Doctor of Philology, Professor
Moscow State Linguistic University

e-mail: v-bazylev@inbox.ru

